

© 2004 г.

Международный «круглый стол» «Римское право – опыт становления юридических форм социальной жизни в античном мире»

М. В. Дурново

РАБ-УПРАВЛЯЮЩИЙ В РИМСКОМ СЕЛЬСКОМ ИМЕНИИ ЭПОХИ ПРИНЦИПАТА (*Хозяйственная деятельность и правовой статус*)

В данной статье мы предполагаем рассмотреть связь и соотношение характера хозяйственной деятельности рабов-управляющих с их юридическим положением. Таким образом, наше исследование окажется на стыке экономической истории и истории римского права, и поэтому, оставаясь по преимуществу исследованием историческим, будет представлять собой попытку соединить методы и подходы, характерные, с одной стороны, для исследований по социально-экономической проблематике, которая традиционно привлекала пристальное внимание именно антиковедов-историков и в изучении которой отечественная историография добилась больших успехов и имеет богатые традиции, а с другой стороны – для романистических штудий, которые после долгого перерыва получили у нас развитие лишь сравнительно недавно. Итак, вниманию читателя предлагается исследование, являющее собой опыт проникновения историка в юридическую проблематику, без которого, как нам представляется, уже немислимо на современном этапе никакое серьезное исследование по экономике и социальной структуре древнего Рима.

В 1980–1990-е годы мировая историография сделала мощный рывок в изучении управленческой деятельности («менеджмента») и ее правовых основ в древнеримском обществе в целом и в исследовании проблемы привлечения к этой деятельности несвободных производителей (рабов) в частности. Во-первых, именно в это время выходит ряд важных исследований, которые могут быть отнесены к какому-то одному из обозначенных нами подходов: к «юридическому»¹ или к «социально-экономическому»². Во-вторых, тогда же появляются исследования историков и правоведов, в которых происходит

¹ Di Porto A. Impresa collettiva e schiavo 'manager' in Roma antica (II sec. a. C. – II sec. d. C.). Milano, 1984; Wacke A. Die adjektivischen Klagen im Überblick // ZSS. 1994. Bd 111. S. 280–362; Földi A. Die Entwicklung der sich auf die Schiffer beziehenden Terminologie im römischen Recht // TR. 1995. 63. P. 1–9; Földi A. Remarks on the Legal Structure of Enterprises in Roman Law // RIDA. 1996. T. 43. P. 179–211; De Ligt L. Legal History and Economic History: The Case of the actiones adiecticiae qualitatis // TR. 1999. 67. P. 205–226; Krzyńdówek J. Odpowiedzialność przedsiębiorcy (exercitor) w prawie rzymskim. Warszawa, 2000.

² Carlsen J. The vilica and Roman Estate Management // De agricultura: In memoriam P.W. De Neeve. Amsterdam, 1993. P. 197–205; Carlsen J. Vilici and Roman Estate Managers. Rome, 1995.

своеобразное слияние этих двух направлений в рамках оригинального синтеза социально-экономической и правовой проблематики³, что позволяет наиболее полно и глубоко раскрыть сущность исследуемого общественного явления. Этому подходу стремимся следовать и мы в данной работе.

Сочинения римских юристов могут предоставить в наше распоряжение значительный материал об осуществлявших управление предприятием рабах, занятых в таких сферах общественного производства, как торговля, сфера услуг (управляющие лавкой-таберной – *institores*), судоходство (заведующие торговым кораблем – *magistri navis*). Однако в данной статье нам хотелось бы уделить внимание тем управляющим, деятельность которых протекала не на оживленной городской улице, где находилась лавка, и не в шумной гавани, где стояли торговые корабли, а в тихой сельской местности, где неподалеку от какого-нибудь селения-*vicus* и располагалось то предприятие, управление которым было им доверено господином, – этим предприятием была в большинстве случаев та самая товарная рабовладельческая вилла, которая стала поистине излюбленным предметом сочинений римских писателей-агрономов. К интересующему нас периоду относятся прежде всего сведения, содержащиеся в сочинении самого выдающегося из них – в трактате Колумеллы «О сельском хозяйстве», в котором подробно и обстоятельно рассмотрены обязанности лиц, несших основное бремя забот по управлению сельским имением, – виллика (*vilicus*) и его «супруги» и помощницы виллика (*vilica*). Благодаря этому мы имеем возможность осветить деятельность рабов-управляющих в сельском хозяйстве гораздо более подробно, чем деятельность управляющих, занятых во всех прочих сферах общественного производства, и, что представляется наиболее важным для решения поставленной нами задачи, именно на примере управляющих сельским имением мы можем наиболее наглядно представить себе связь этой управленческой деятельности с их правовым статусом, так как те ценные сведения, которые содержит трактат Колумеллы, удачно дополняют данные, почерпнутые из сочинений юристов классического периода⁴.

Рассматриваемые нами источники – не только сочинения юристов, но и предписания трактата Колумеллы – по нашему мнению, являются текстами, основное содержание которых состоит именно в изложении норм, принятых в обществе (не только установлений права, но и норм морали, обычаев, различного рода обыкновений и т.п.). Это позволит нам также на конкретном примере рассмотреть некоторые аспекты проблемы соотношения права с другими социальными нормами, предложенной для обсуждения Д.В. Дождевым в его статье, открывающей дискуссию в рамках настоящего «круглого стола»⁵.

Прежде всего, заметим, что управляющим мы можем считать далеко не каждого из тех, кто выполняет некие управленческие и организационные функции в процессе производства. Дело в том, что не все из этих функций позволяют нам определять их исполнителя именно как управляющего. Он должен либо о р г а н и з о в ы в а т ь р а б о т у определенного коллектива на пред-

³ *Chiusi T.* Landwirtschaftliche Tätigkeit und actio institoria // ZSS. 1991. Bd 108. S. 155–186; *Aubert J.-J.* Business Managers in Ancient Rome: A Social and Economic Study of *institores*. Leiden – New York – Köln, 1994.

⁴ Следовательно, в данной статье мы не задаемся целью собрать все упоминания о сельских управляющих, которые встречаются в литературных и эпиграфических источниках; эта работа уже была проделана: *Carlsen.* *Vilici...* P. 27–101.

⁵ См. *Дождев Д.В.* Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // ВДИ. 2003. № 2. С. 92.

приятии владельца, либо иметь возможность распоряжаться каким-либо его имуществом и при этом самостоятельно принимать решения, касающиеся производственного процесса или распределения средств и произведенного продукта. Все прочие лица, занятые в системе управления предприятием, выполняют, как правило, лишь аппаратные, технические, низовые функции, и их инициатива сильно ограничена рамками этих функций (имея в виду управление сельским имением, к этой категории лиц можно причислить надсмотрщиков, кладовщиков и т.п.).

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИЛИКА, ВИЛИКИ И АКТОРА

Главным направлением управленческой деятельности виллика и вилики была, безусловно, непосредственная организация производственного процесса. При этом следует иметь в виду, что римской вилле как хозяйственному типу была присуща одна особенность, которая роднила ее с крестьянским хозяйством, а именно отсутствие отделения сугубо домашнего производства (например, приготовление пищи) от производства, имеющего большую общественную значимость и направленного на создание самой сельскохозяйственной продукции (например, полевые работы). Занятие земледелием, таким образом, было неразрывно связано с домоводством в рамках одного хозяйственного организма. При этом первое находилось в ведении виллика, второе – вилики; так между ними проводилось разделение управленческих функций по организации производственного процесса на вилле. Каким же образом эта организация осуществлялась?

Согласно предписаниям Колумеллы, рабочий день виллика начинался несколько раньше, чем у других рабов: он поднимался первым и ранним утром выводил рабов на работу, которую они в этот день должны были выполнять. Рабы сами, конечно, отнюдь не стремились поскорее взяться за эту работу, виллику было необходимо следить за тем, чтобы они как можно быстрее собрались, и затем ему надлежало не мешкая вести их в поле (XI. 1. 14). Виллик должен был добиться того, чтобы рабы не медлили во время следования к месту работы, а шагали бодро и энергично, будто шли в бой (*velut in aliquod proelium cum vigore et alacritate animi* – XI. 1. 17). Таким образом, перед вилликом стояла задача прежде всего настроить рабскую фамилию на рабочий лад с самого начала трудового дня. Во время самой работы он должен был всячески ободрять рабов и время от времени, заметив, что кто-то выполняет свое задание небрежно или устал, подойти к нему, взять его инструмент и выполнять некоторое время его задание за него, приговаривая при этом, что нужно действовать так же усердно, как он сам (XI. 1. 17). Так виллик обеспечивал надлежащий темп и качество выполняемой работы, осуществляя тем самым мотивационную функцию управленческой деятельности (ободрение работника). Попутно в процессе работы виллик давал указания, как нужно выполнять то или иное задание, исправлял тех, кто делал что-либо неверно, и показывал, как надлежит делать (XI. 1. 9); предполагалось, что он в ходе работы должен обучать работников (XI. 1. 4). После окончания работы, вечером виллик вновь сопровождал рабскую фамилию, теперь уже обратно на виллу, внимательно следя за тем, чтобы никто из рабов не остался в поле (XI. 1. 18).

Виллика в течение дня, пока виллик руководил работами в поле, занималась организацией различных видов работ в самом помещении виллы. На ней лежала обязанность организации деятельности тех рабов, которые должны

были в этот день выполнять какую-либо работу по дому (XII. 1. 5). Это могло быть прядение шерсти (XII. 3. 6), ткачество, приготовление пищи (XII. 3. 8), поддержание чистоты на вилле, уборка помещения, приведение в порядок мебели и утвари (XII. 3. 9). В обязанности вилики входил также контроль над некоторыми видами работ, выполнявшихся на скотном дворе, – дойкой и стрижкой овец (*ibid.*). Много внимания уделяет Колумелла и таким сторонам управленческой деятельности вилики, как хранение запасов (XII. 2. 1–6; 3. 1–5) и контроль за расходом продуктов (XII. 1. 5). При этом вилика осуществляла только общее руководство всеми этими видами деятельности, взаимодействуя с низовым управленческим персоналом виллы и рядовыми работниками – ключниками и кладовщиками (*promi, cellarii*), пастухами (*pastores*), кастелянами, следящими за домом (*atrienses*), ремесленниками (*fabri*) (XII. 3. 9), а также с теми, кто готовит пищу для фамилии (*qui cibum familiae conficiunt* – XII. 3. 8); видимо, имеются в виду кухарки-*focariae*, упоминающиеся у юристов в составе сельской фамилии (D. 33. 7. 12. 5). Все эти работники, таким образом, были так или иначе подконтрольны вилике и действовали под ее началом. В организационной деятельности вилики так же, как и у вилика, присутствовал элемент обучения: Колумелла вменяет ей в обязанность, следя за работой мастериц у ткацкого станка, обучать их тому, в чем она окажется более сведущей, и, наоборот, самой учиться у тех, кто знает это дело лучше нее (XII. 3. 8).

Вилику и вилике в процессе управления имением приходилось иметь дело с организацией и не с в о б о д н о й рабочей силы, т.е. осуществлять на практике внеэкономическое принуждение к труду вверенных им работников-рабов. Поэтому помимо непосредственного руководства производственной деятельностью последних они должны были выполнять еще одну важнейшую функцию в управлении предприятием, обеспечивающую такое принуждение, – функцию н а д з о р а. Утром, после того как вилик уводил рабов в поле, вилика должна была проверить, не остался ли кто-либо из тех, кому надлежало работать под началом вилика, на вилле и не уклоняется ли он от работы (XII. 3. 7). Вилик же осуществлял контроль главным образом вечером, когда приводил рабов обратно на виллу: он должен был вести их таким образом, чтобы не оставлять никого позади себя (*neminem post se relinquat*), а по прибытии ему надлежало внимательно осмотреть каждого из них (XI. 1. 18). В свою очередь, вилика должна была тщательно следить за всем, что вносят в дом: не испорчено ли вносимое, и после проверки, убедившись, что все в целостности и сохранности, принять это (XII. 1. 5). Можно предположить, что речь здесь идет о продуктах питания, в том числе, возможно, о собранных рабами плодах. Вилика, таким образом, тоже могла участвовать в осмотре, который производил вечером вилик: после того как он осмотрел рабов, она, стоя на пороге дома, осматривала содержимое их корзин. Итак, за день вилик и вилика проводили по меньшей мере две контрольные проверки вверенного им рабского коллектива: утреннюю и вечернюю.

Действенным способом принуждения несвободных работников к труду была также система поощрений и наказаний. Их осуществление входило в сферу управленческой деятельности вилика. Он мог удостоить тех рабов, кто особо отличился в работе, приглашения за свой стол в праздничный день (своего рода премия) или наградить их как-либо по-иному (I. 8. 5; XI. 1. 19), а провинившихся – заковать в кандалы (I. 8. 16; XI. 1. 22). Вообще именно вилик занимался «кадровыми» вопросами: он должен был разбираться в том, какую работу

кому можно поручить (*scire et aestimare, quale officium et qualis labor sit cuique iniungendus*) (XI. 1. 7).

Контроль за состоянием здоровья работников, т.е. за состоянием их рабочей силы, составлял предмет забот как виллика, так и вилики. Вилик во время вечерней проверки смотрел, не болен ли кто; если он обнаруживал, что кто-либо из рабов поранился во время работы, то он тут же делал перевязку, если же причина дурного самочувствия работника заключалась в другом, вилик отправлял его в лечебницу (*valetudinarium*), которая имела на вилле (XI. 1. 18). Виллика также должна была следить за тем, чтобы тем рабам, которые почувствовали себя плохо, была оказана помощь (XII. 1. 6; 3. 7); кроме того, в ее обязанности входило поддержание чистоты в лечебнице (XII. 3. 8).

Так характер используемой на предприятии рабочей силы оказывал влияние на те приемы, которыми пользовались управляющие данным предприятием, осуществляя организацию этой рабочей силы: в их обязанности входила не только непосредственная организация работ, но и надзор за работниками, а также контроль за состоянием их рабочей силы (забота о здоровье рабов).

Но помимо «человеческого» фактора производства управленческая деятельность подразумевает также работу с факторами «вещественными», т.е. средствами производства. В этом состояло еще одно направление организационной деятельности виллика и вилики. Обязанностью виллика было здесь, как и в случае с самими работниками, проведение различных проверок и инспекций. Колумелла рекомендует вилику в праздники заниматься осмотром сельскохозяйственного инвентаря (XI. 1. 20) и два раза в месяц осматривать одежду рабов (XI. 1. 21). Виллика, отвечая за сохранность всех запасов на вилле, тоже проводила подобные проверки в порученном ей хозяйстве (XII. 3. 5). Эти инспекции, конечно, косвенным образом являлись и проверками поведения самих рабов – не сломали и не украли ли чего. Особую важность этого приема в деятельности управляющих подчеркивает афоризм Колумеллы (XI. 1. 21): «*Frequens recognitio nec impunitatis spem nec peccandi locum praebet*» («Постоянное инспектирование лишает надежды на безнаказанность и не оставляет места для провинности»).

Конечно, первенствующее положение в системе управления виллой занимал вилик; виллика была подчинена ему, и ее деятельность контролировалась им. Колумелла писал, что функции управления домохозяйством передаются вилике не целиком (*in totum*), а так, чтобы за ними наблюдал и глаз виллика (*ut oculis vilici custodiantur*: XII. 1. 4) – это заставит ее лучше работать. Но несмотря на то что Колумелла называет вилику лишь помощницей (*adiutrix*) своего мужа и начальника, мы на основании сказанного выше о сфере компетенции и функциях вилики по праву можем считать ее самостоятельным управляющим, наряду с виликом осуществляющим управление предприятием, самостоятельно организующим рабский коллектив и принимающим решения в сфере своего ведения. При этом некоторые управленческие функции выполнялись виликом и виликой совместно, в слаженном взаимодействии друг с другом, что мы могли видеть на примере проведения ими проверок работников (в начале и в конце рабочего дня).

Особое внимание необходимо обратить на то, что вилик был управляющим, занятым в товарном хозяйстве, каковым являлась типичная рабовладельческая вилла средних размеров: как правило, одна из отраслей сельскохозяйственного производства, осуществлявшегося на вилле, была ориентирована на

местный рынок⁶. К тому же, как известно, в состав рабочей силы, используемой на вилле, входили не только несвободные производители (рабы), но и сезонные наемные работники⁷. Реализация произведенного продукта на рынке, как и наем работников, безусловно, предполагали заключение управляющим, занятым деятельностью такого рода, различных видов сделок. Исходя из этого мы можем выделить еще одно особое направление управленческой деятельности на вилле, которое было ориентировано на установление и поддержание связи хозяйственного организма виллы с внешним миром, с иными экономическими структурами (рынок, свободная рабочая сила и т.п.). В связи с этим для исследования системы управления на вилле и для определения функций раба-управляющего необходимо ответить на вопрос, насколько деятельность виллика охватывала это направление, насколько он был связан с теми видами организационной деятельности, которые предполагали заключение сделок. Занимался ли он продажей собранного урожая и наймом работников?

Обратимся вновь к основному для рассматриваемого нами периода источнику – к трактату Колумеллы. Он дает хозяину следующие рекомендации, касающиеся виллика. «Non urbem, non ullas nundinas nisi vendendae aut emendae rei necessariae causa, frequentaverit» (XI. 1. 23; здесь и далее разрядка моя. – М.Д.)⁸. Таким образом, виллик мог продать то, что в хозяйстве случайно оказывалось в избытке, и прикупить, чего не доставало. Р. Мартен полагал, что среди продуктов, которые мог продавать виллик, были те, которые подлежали быстрой реализации по мере их производства, например яйца, фрукты, свежие овощи⁹. Если в огороде хорошо уродилась капуста, то виллик нес излишек на рынок, если ломалась мотыга или лопата, он шел на рынок за новой. В этом, на наш взгляд, и состоит смысл словосочетания «res necessaria», употребленного Колумеллой. Как видим, виллик покупал и продавал что-либо лишь от случая к случаю, в небольшом количестве и притом такие продукты, которые не стоили дорого. В этом же смысле понимает это место из Колумеллы и Т. Кьюзи: о реализации на рынке основной массы урожая здесь речи не идет¹⁰. Виллик не должен был заниматься продажей продукции основной товарной отрасли хозяйства (вино, масло, оливки, зерно и т.п.). Из приведенного фрагмента, на наш взгляд, совершенно не следует, что в обязанности виллика входили покупка оборудования для виллы, рабов, закупка инвентаря, тяглового скота, семян и т.д., как полагает Ж.-Ж. Обер¹¹.

Далее Колумелла пишет о виллике так: «Pecuniam domini neque in pecore nec in aliis rebus promercalibus occupet. Naec enim res avocatur villici curam, et eum negotiatorem potius facit quam agricolam...»¹² (XI. 1. 24; cf. I. 8. 13). Здесь хозяину дается совет не допускать виллика ни к каким крупномасштабным торгово-финансовым операциям, так как это не согласуется с теми обязанностями, которые он должен был исполнять на вилле в качестве управляющего, т.е. заниматься исключительно сельским хозяйством. Этот отрывок большинство исследо-

⁶ Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С. 93–95.

⁷ Там же.

⁸ «Он не должен бывать ни в городе, ни на каких-либо торжищах, разве что для того, чтобы продать или купить что-нибудь необходимое».

⁹ Martin R. Familia rustica: Les esclaves chez les agronomes latins // Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P., 1974. P. 272.

¹⁰ Chiussi. Op. cit. S. 164. Ann. 18.

¹¹ Aubert. Op. cit. P. 170.

¹² «Пусть он не вкладывает хозяйских денег ни в скот, ни в другие товары. Ведь это отвлекает внимание виллика и делает его в большей степени торговцем, чем земледельцем...».

вателей склонны толковать скорее «от противного»: если Колумелла предостерегает хозяина, значит можно сделать вывод о том, что в реальности положение вещей было прямо противоположным тому, к чему он призывает, т.е. виллики на самом деле сплошь и рядом активно занимались коммерческой деятельностью, и хозяева должны были с этим бороться. Особенно явно подобная методика анализа проявилась у М.Е. Сергеенко¹³, хотя ей отдали дань также и многие западные исследователи¹⁴. Однако мы склонны согласиться с Э. Мароти в том, что такое толкование текста «от обратного» далеко не всегда уместно; представляется очень интересной его мысль о том, что в языке писателей-агрономов, подобно языку права, норма может получать «негативную» формулировку¹⁵: если что-либо не рекомендуется или запрещается делать, то, значит, это не принято, это отступление от нормы. Исходя из этого мы полагаем, что Колумелла в данном фрагменте как раз подобным образом и обозначил норму, обычное положение вещей: виллик, как правило, не занимался никакой коммерческой деятельностью, хозяин просто не допускал его до этих дел.

Итак, сочинение Колумеллы не дает никаких оснований полагать, что виллик занимался реализацией на рынке собранного урожая и вообще какой-либо серьезной самостоятельной торговой деятельностью. Что касается продажи урожая, то Т. Кьюзи приходит к тому же выводу¹⁶, однако по поводу самостоятельной торговой деятельности виллика наши позиции расходятся. Т. Кьюзи обратилась к анализу одного отрывка из речи Цицерона против Верреса (Cic. Verr. II. 3. 119), в котором оратор сравнивает пагубное поведение последнего с действиями виллика, вырубившего хозяйский лес, продавшего весь инвентарь, скот и даже черепицу с крыши, чтобы отправить господину доход, в два раза превышающий обыкновенный (за это он впоследствии, когда обман открылся, был сурово наказан господином). Из этого делается вывод, что виллик мог действовать в течение длительного времени безо всякого контроля со стороны хозяина¹⁷.

Однако Т. Кьюзи не учитывает того, что значение слова «виллик» в неспециальной литературе (т.е. не в сельскохозяйственной или юридической) и в надписях было гораздо шире; вилликом могли назвать практически любого управляющего¹⁸, и нам не известно, какие полномочия были у того, кого имел в виду Цицерон. Скорее всего, он не был простым типичным сельским вилликом, ведь последний, как показывают трактаты агрономов (вспомним также виллика Катона, которому без ведома хозяина ни продавать, ни покупать вообще ничего не позволялось, – Cat. De agr. 5. 4), никак не мог обладать такой свободой в распоряжении имуществом своего господина. Поэтому данные Цицерона, приведенные Т. Кьюзи, вряд ли имеют отношение к рассматриваемому нами виллику.

Нам осталось еще определить, занимался ли виллик наймом работников во время особенно интенсивных сельскохозяйственных работ на вилле. Многие современные исследователи полагают, что это было так¹⁹, и при этом ссы-

¹³ Сергеенко М.Е. Виллик // ВДИ. 1956. № 4. С. 50–51.

¹⁴ Martin. Op. cit. P. 273; Carlsen. Vilici... P. 74; Chiusi. Op. cit. S. 173. Anm. 44; Aubert. Op. cit. P. 172.

¹⁵ Maróti E. The vilicus and the Villa-System in Ancient Italy // Oikumene. 1976. 1. P. 115.

¹⁶ Chiusi. Op. cit. S. 173, 178.

¹⁷ Ibid. S. 164.

¹⁸ Aubert. Op. cit. P. 173–175.

¹⁹ Chiusi. Op. cit. S. 165; Aubert. Op. cit. P. 171; Carlsen. Vilici... P. 73.

лаются на сообщение Катона: «operarium mercenarium politorem diutius eundem ne habeat die» (Cat. De agr. 5. 4)²⁰. Однако текст Катона не дает особых оснований считать названную точку зрения обоснованной: из него не следует, что именно вилик нанимает работников, речь идет, возможно, лишь о том, что он не вправе задерживать их после окончания работ. Колумелла, данные которого относятся именно к рассматриваемому нами периоду, о найме работников как функции виллика ничего не сообщает. Исходя из этого мы можем констатировать: в нашем распоряжении не имеется никаких определенных данных, указывающих на то, что в обязанности виллика входил наем рабочей силы на вилле.

Учитывая все сказанное выше, можно только удивляться тому, что Т. Кьюзи, например, приходит к выводу, что сделки, заключаемые вилликом в ходе его деятельности, «очень разнообразны и многочисленны»²¹. Данные источников, как мы попытались показать, напротив, свидетельствуют о том, что виллик лишь эпизодически действовал на рынке и не руководил ни продажей урожая, ни наймом рабочей силы, а следовательно, его деятельность не была ориентирована на заключение сделок и не предполагала деловой активности. Несмотря на это, Ж.-Ж. Обер пишет, что виллик торговал маслом, вином, зерном, шерстью, закупал рабов, занимался поиском контрагентов и т.п., так что у него даже не оставалось времени для работы на вилле (!) и она поручалась надзирателям. В подтверждение своих выводов Ж.-Ж. Обер порой ссылается на тексты авторов, которые с трудом можно проинтерпретировать как подтверждающие его мысли (дополнительных разъяснений при этом не дается), а порой и вовсе не приводит никаких ссылок, основываясь в своих выводах на чистых предположениях²².

Итак, ни виллик, ни тем более виллика не были заняты теми видами управленческой деятельности, которые предполагают деловую активность и участие в обороте товаров и услуг. В этом виллик и виллика как управляющие являют собой прямую противоположность, скажем, институту, управлявшему лавкой, или рабу, заведовавшему кораблем: хозяйственная деятельность виллика и виллики протекала не на шумном торговом форуме, а в тихом сельском имении; сельская жизнь предполагала размеренный ритм работы, выполнение изо дня в день одних и тех же обязанностей, определявшихся требованиями сельского годового круга; сам рабочий день виллика и виллики представляется в виде некоей окружности, прочерченной между двумя временными точками – утренней и вечерней проверками: настолько все здесь замкнуто, ограничено пространством виллы и не подвержено никаким внешним влияниям. Виллик мог лишь ненадолго отлучиться на местный рынок, а виллика, судя по всему, практически никогда не покидала имения. Но это и не удивительно, если принять во внимание, что на этих управляющих лежали все заботы по организации производственного процесса на вилле, по контролю за средствами производства, по управлению такой специфической и «трудноуправляемой» категорией рабочей силы, как несвободные производители-рабы. На это и уходило все время у виллика и виллики. Таким образом, они представляют особый тип, кото-

²⁰ Перевод зависит от интерпункции, и толкование этого места крайне спорно, что должно предостерегать нас от того, чтобы создавать на основе данного фрагмента какие-либо концептуальные построения.

²¹ Chiusi. Op. cit. S. 166.

²² Aubert. Op. cit. P. 170–172.

рый можно было бы обозначить как управляющего-администратора, занятого лишь «внутренним» управлением предприятием.

Кто же в таком случае выполнял на сельскохозяйственном предприятии управленческие функции, направленные «вовне», т.е. функции «коммерческого» управляющего, управляющего-агента? Кто занимался реализацией урожая, наймом рабочих, заключением различных видов сделок? Если этим не занимался сам хозяин, то подобная деятельность, как правило, поручалась прокуратору²³, который и являлся управляющим-агентом²⁴ на товарной вилле. Колумелла упоминает прокуратора как одного из управляющих именем дважды (I. б. 7, 23), однако нигде подробно не останавливается на тех функциях, которые тот должен выполнять, хотя из текста ясно видно, что прокуратор по своему статусу стоит выше вилика, за которым он должен осуществлять надзор: его жилище на вилле располагалось над воротами, в то время как жилище вилика – у ворот (I. б. 7). Колумелла не рассматривает обязанности прокуратора, видимо, именно потому, что его деятельность лежала уже во многом за пределами темы трактата – сельскохозяйственного производства, осуществлявшегося непосредственно на вилле. Прокуратор, вероятно, выполнял свои управленческие функции, одновременно курируя несколько вилл и много времени проводил в разъездах между этими виллами и городом, занимаясь различными деловыми операциями, заключая контракты и т.п. Прокураторами назначали практически исключительно отпущенников, и поэтому рассмотрение этой фигуры лежит за пределами темы данной статьи²⁵.

В источниках довольно часто упоминается еще одна категория управляющих – а к т о р ы, которые, как и вилики, в подавляющем большинстве случаев имели именно рабский статус²⁶. Само значение слова *actor*, в том случае, если оно обозначало управляющего, и соотношение деятельности этого управляющего с деятельностью вилика не вполне ясно²⁷. Скорее всего, термин *actor* мог употребляться по меньшей мере в двух различных значениях – более широком и более узком. Первое из них могло подразумевать, подобно термину *vilicus*, практически любого управляющего, занятого в какой угодно сфере деятельности²⁸. Наиболее же узкое значение термина *actor*, на наш взгляд, можно найти у юристов: Сцевола описывает ситуацию, когда раб Стих был назначен в имение исполнять сразу две обязанности – заниматься сельским хозяйством и вести счета имения (*tam rei rusticae quam rationibus fundi*), и при этом называет Стиха и виликом, и актором (D. 34. 4. 31 pr); у Ульпиана (D. 10. 2. 8) и у того же Сцеволы в другом фрагменте (D. 40. 5. 19 pr) раб-актор вновь фигурирует как лицо, связанное с ведением счетов. Исследователи уже неоднократно обращали внимание на эти данные²⁹, но нам хотелось бы подчеркнуть, что именно из этих сведений становится понятно,

²³ Martin. Op. cit. P. 273.

²⁴ Под «агентом» мы здесь понимаем вообще любое лицо, деятельность которого направлена на заключение сделок.

²⁵ О прокураторе как управляющем см. Aubert. Op. cit. P. 105–110, 183–186; Carlsen. Vilici... P. 158–165.

²⁶ Aubert. Op. cit. P. 193.

²⁷ См. Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. (Италия). М., 1971. С. 41–42; Кузицин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990. С. 198–199; Carlsen. Vilici... P. 123–125.

²⁸ Aubert. Op. cit. P. 186–188; Carlsen. Vilici... P. 130.

²⁹ Кузицин. Античное классическое рабство... С. 198; Aubert. Op. cit. P. 191; Carlsen. Vilici... P. 123; Chiussi. Op. cit. S. 172.

что означал термин *астор* (в значении «управляющий») в собственном смысле слова, в наиболее узком его значении: он обозначал управляющего, ведавшего финансами и ответственного за ведение отчетности (в отличие от *виллика*, занятого организацией сельскохозяйственных работ). Таким образом, *астор*, на наш взгляд, представлял собой особый тип управляющего, заведовавшего финансами имения³⁰.

У Колумеллы термин *астор* употребляется несколько раз и притом в первом, широком значении, просто являясь синонимом термина *vilicus* (I. 7. 7; 8. 5) или обозначая также помимо *виллика* других членов управленческого аппарата *виллы* (надсмотрщиков и т.п.) (VI. 27. 1; XII. 3. 6), что уже отмечалось в литературе³¹. Очевидно, на *вилле* Колумеллы вообще отсутствовала подобная отдельная должность. Вероятно, *акторы* назначались далеко не во всех имениях, а только в тех, хозяева которых считали необходимым разделить чисто производственные и финансовые функции управленческой деятельности. В наиболее типичных средних размерах имениях, как показывает сочинение Колумеллы, эти функции не разделялись и выполнялись все тем же *вилликом*³²: ведение счетов на *вилле*, описанной Колумеллой, входило в круг его обязанностей (I. 8. 13; XI. 1. 24).

Таким образом, управление сельским имением могло предполагать наличие трех типов управляющих: организацией производства и рабочей силы ведали управляющие-администраторы (*виллик* и *виллика*), связь *виллы* с другими хозяйственными единицами осуществлял управляющий-агент (*прокуратор*), а вел счета и распоряжался денежными средствами особый «финансовый» управляющий (*астор*). При этом к категории рабов-управляющих, составляющих предмет нашего рассмотрения, принадлежали, как правило, только управляющие, занимающиеся административными и финансовыми вопросами (*виллик*, *виллика* и *астор*).

ПРАВОВОЙ СТАТУС ВИЛИКА И ИНСТИТОР AGRIS COLENDIS PRAEPOSITUS

Обращаясь к рассмотрению правового положения *виллика*, необходимо прежде всего определить, почему подавляющее большинство тех, кто занимал эту должность в администрации поместья, имели рабский статус. Ж.-Ж. Обер, подтвердив в своем исследовании тезис о том, что подавляющее большинство *вилликов* были именно рабами³³, затрудняется ответить на вопрос о причинах такого положения вещей: ведь никаких правовых ограничений, касающихся назначения *вилликом* свободного, не существовало³⁴. На наш взгляд, ответ следует искать исходя из того, что правовой статус зависел прежде всего от характера деятельности, выполняемой данным работником.

Хотя занятие *виллика* – земледелие – всегда было у римлян в почете, тем не менее сама управленческая деятельность, которой занимался *виллик*, едва ли могла привлечь на эту должность свободного гражданина. Дело в том, что заведование имением ложилось на плечи управляющего довольно тяжелым бре-

³⁰ В составе *familia urbana* должности *актора* соответствовала, как правило, должность диспенсатора. Об этих управляющих см. *Carlsen. Vilici...* P. 147–158.

³¹ Кузицин. Античное классическое рабство... С. 198; *Aubert. Op. cit.* P. 190–191; *Carlsen. Vilici...* P. 122.

³² В литературе его называют условно «*vilicus-actor*», см. *Kirschenbaum A. Sons, Slaves and Freedmen in Roman Commerce. Jerusalem–Washington, 1987.* P. 149; *Chiusi. Op. cit.* S. 170.

³³ *Aubert. Op. cit.* P. 149–157.

³⁴ *Ibid.* P. 157.

менем: рабочий день вилика, как мы уже видели, начинался раньше, чем у других рабов; он практически весь день проводил в поле, когда там шли активные работы. Конечно, производственная нагрузка и интенсивность труда вилика были намного меньше, чем у рядовых рабов, но все же и ему приходилось немало потрудиться в течение дня, следя за работой всего коллектива. Проводить целые дни, занимаясь надзором за рабами, то ободряя их, то прикрикивая на них, зная при этом, что все старания идут на пользу не ему, вилику, а хозяину поместья, в котором он лишь служит за какую-то мизерную плату (иначе при существующем уровне развития производства имение не принесет хозяину дохода), – это деятельность, которая вряд ли могла привлечь свободного, даже отпущенника. А поскольку экономические рычаги для того, чтобы заставить заниматься этим свободных, в обществе отсутствовали, деятельность вилика должна была предполагать наличие рабского статуса у того, кто занимается ею.

Центральной проблемой при изучении правового положения вилика является следующая: можно ли рассматривать вилика как *institor* с особой *praepositio*, которая состояла в заведовании сельским имением, и следовательно, мог ли вилик обязывать в рамках своей *praepositio* хозяина имения по *actio institoria*?

Инститором у римских юристов считалось лицо³⁵, назначенное заведовать «каким-либо делом», прежде всего лавкой или трактиром (*taberna*): «*Institor appellatus est ex eo, quod negotio gerendo instet: nec multum facit, tabernae sit praepositus an cuilibet alii negotiationi*» (Ulp. 28 ad ed.: D. 14. 3. 3)³⁶; «*cuicumque... negotio praepositus sit, institor recte appellabitur*» (D. 14. 3. 5 pr)³⁷. Несмотря на некоторую расплывчатость понятия *negotium*, употребляемого здесь Ульпианом, из приведенного им перечня видов деятельности, предполагавших наличие у тех, кто занимается ими, статуса институтора или приравненного к нему (*loco institoris*), видно, что институтором или приравненным к нему лицом считался заведующий каким-либо предприятием или отдельной операцией преимущественно в торговле и сфере услуг (см. D. 14. 3. 5. 1–6), причем главной отличительной особенностью институтора как управляющего была ориентация его организационной деятельности на заключение различных видов сделок. По сделкам, заключенным институтором, хозяин предприятия нес ответственность в объеме всего своего имущества (*in solidum*) по *actio institoria*, однако эта ответственность была строго ограничена рамками *praepositio* институтора, т.е. теми видами сделок, которые он был уполномочен заключать в зависимости от рода своей управленческой деятельности (см. D. 14. 3. 5. 11).

Рассмотрение обозначенной нами проблемы в современной литературе основывается на анализе трех фрагментов из сочинений римских юристов.

Павел писал о вилике следующее (Paul. 29 ad ed.: D. 14. 3. 16):

³⁵ Инститором мог быть как раб, так и свободный (D. 14. 3. 7. 1), однако частота упоминаний об институторах именно как о рабах у юристов (см. D. 14. 3. 5. 9; 14. 3. 11. 8; 14. 3. 13 pr; 14. 3. 13. 2; 14. 3. 14; 14. 3. 17. 1; 14. 3. 17. 4; 14. 3. 19. 1; 14. 3. 19. 3; D. 5. 1. 19. 3; 14. 5. 8; 26. 7. 37. 1; 32. 1. 91. 2), а также сам тот факт, что *actio institoria* входила в группу *actiones adiecticiae qualitatis*, которые имели своим предметом правовое обеспечение деятельности именно подвластных лиц, позволяет считать, что большинство институторов являлись рабами.

³⁶ «Инститор (заведующий) называется так, потому что он занимается ведением дела; не имеет большого значения, назначен ли он заведовать таберной или осуществлять какую угодно другую торговую деятельность».

³⁷ «Тот, кто поставлен заведовать каким угодно делом, верно будет называться институтором».

*Si cum vilico alicuius contractum sit, non datur in dominum actio, quia vilicus propter fructu percipiendos, non propter quaestum praepositur. Si tamen vilicum distrahendis quoque mercibus praepositum habuero, non erit iniquum exemplo institoriae actionem in me competere*³⁸.

Смысл этого отрывка, на наш взгляд, не вызывает сомнений: если кто-ни будь заключит контракт с виликом, то хозяин в связи с этой сделкой не несет ответственности по *actio institoria*, так как *praepositio* вилика не предполагает деятельности, связанной с извлечением прибыли (*quaestus*), т.е. не предполагает деловой активности и деятельности, направленной на заключение каких-либо сделок. Если же хозяин при этом дает вилику еще и другую *praepositio*, которую должность вилика в норме не предполагает, – отчуждать товар (*merces distrahere*), т.е. продавать собранный им урожай, то по сделкам, заключенным виликом, он несет ответственность согласно иску, данному по образцу (*exemplo*) *actio institoria*³⁹.

Следующие два фрагмента очень схожи между собой. Первый из них – это отрывок из комментария к эдикту Ульпиана (D. 14. 3. 5. 2), который в данном случае ссылается на Лабеола:

*Si quis pecuniis faenerandis, agris colendis, mercaturis redempturisque faciendis praeposuerit, in solidum eum teneri*⁴⁰.

Второй фрагмент – из «Сентенций Павла» (II. 8. 2):

*Si quis pecuniae fenerandae agroque colendo condendis vendendisque frugibus praepositus est, ex eo nomine quod cum illo contractum est in solidum fundi dominus obligatur: nec interest, servus an liber sit*⁴¹.

Как в первом, так и в сходном с ним втором фрагменте речь идет о назначении инститоров (или приравненных к ним по статусу лиц) для руководства различными видами деятельности и об ответственности назначившего по *actio institoria*. Как видим, среди этих видов деятельности помимо торгово-финансовых операций юристы упоминают и обработку полей, и хранение и продажу собранного урожая.

Исследователи по-разному интерпретируют эти данные источников. А. Ди Порто в свое время выдвинул оригинальную концепцию, основной тезис которой состоял в том, что перечисленные юристами в приведенных фрагментах виды деятельности (*pecuniam faenerare, agros colere, mercaturas redempturasque facere*; во втором фрагменте на последнем месте упоминается *condere et vendere fruges*) составляют предмет одной *praepositio*, которая включает все эти три вида деятельности сразу, т.е. уполномоченный на это управляющий одновременно занимается и отдачей денег в рост, и руководством сельскохозяйст-

³⁸ «Если будет заключен контракт с чьим-либо виликом, против господина не дается иска, так как вилик назначается для сбора плодов, а не для извлечения прибыли. Если же вилик у меня назначен также и для отчуждения товара, не будет несправедливым вчинить мне иск по примеру инститорного».

³⁹ Однако ряд исследователей по-иному толкуют вторую часть фрагмента, понимая под *merces* не собранные виликом продукты земледелия и животноводства (урожай, приплод скота), а товары вообще, т.е. предполагается, что вилик помимо управления виллой заведовал еще каким-то торговым предприятием. Естественно, в этом случае против хозяина давалась «чистая» *actio institoria*, а не *actio exemplo institoriae*, а упоминание в тексте последней трактуется как интерполяция. Из последних работ эту трактовку встречаем в исследовании Е. Кшинувек (см. *Krzynówek*. *Op. cit.* S. 106–108; там же см. литературу). При этом Е. Кшинувек отмечает, что согласно *opinio communis* данный текст Павла все же признается свободным от интерполяций.

⁴⁰ «Если кто-либо назначит (заведовать) дачей денег в рост, обработкой полей, ведением торговых операций и подрядов, то он отвечает в полном объеме».

⁴¹ «Если кто-либо будет назначен (заведовать) дачей денег в рост, обработкой поля, хранением и продажей плодов, на том основании, что с ним заключен контракт, хозяин имения отвечает в полном объеме; не важно, будет (назначенный) рабом или свободным».

венными работами, и торговыми операциями, и подрядами (или, как следует из фрагмента «Сентенций Павла», место торговых операций и подрядов в деятельности этого управляющего занимает хранение и продажа урожая)⁴².

По мнению А. Ди Порто, только тот управляющий, которому поручены все эти виды деятельности одновременно (т.е. в рамках данной *praepositio*), считается инститором и может обязывать хозяина по *actio institoria*⁴³. Если же управляющий назначен т о л ь к о *agris colendis* (для обработки полей), т.е. занимается исключительно сельским хозяйством, являясь обычным виликом, то он не уполномочен обязывать хозяина по *actio institoria* и не считается инститором, что и соответствует данным Павла (D. 14. 3. 16). Таким образом, А. Ди Порто отождествляет два вида деятельности управляющего, упомянутые у юристов: *agros colere* и *fructus percipere* (деятельность вилика, согласно Павлу)⁴⁴. В том случае, если вилику поручено также *merces distrahere*, т.е. продавать собранный урожай, то по его сделкам против хозяина дается лишь *actio exemplo institoriae*, а не «чистая» *actio institoria*, так как это поручение, по мнению А. Ди Порто, является лишь «дополнением» к деятельности вилика по управлению имением и не предполагает коммерческой деятельности в собственном смысле⁴⁵.

Основное возражение против концепции А. Ди Порто состоит в том, что три вида деятельности управляющего, объединяемые им в одну *praepositio*, являются вполне самостоятельными, разнородными и независимыми друг от друга, и данные письменных источников и археологии, свидетельствующие, что эти виды деятельности могли быть поручены одному лицу, которые он приводит в подтверждение своего главного тезиса⁴⁶, нельзя считать подтверждением того, что они составляли предмет единой *praepositio*. Наиболее подробно критика построений А. Ди Порто изложена у Т. Кьюзи, которая приводит еще ряд весомых аргументов, доказывающих несостоятельность его концепции⁴⁷.

Сама же Т. Кьюзи выдвинула собственную концепцию правового статуса вилика. Главный ее тезис состоит в том, что всякий вилик – инститор, так как именно его и имеют в виду юристы, говоря об управляющем *agris colendis praepositus*, и *praepositio* эта является совершенно самостоятельной и рассматривается у юристов как основание для вчинения хозяину *actio institoria*. Таким образом, Т. Кьюзи, как и А. Ди Порто, отождествляет вилика с *agris colendis praepositus*, а деятельность, обозначенную как *agros colere*, – с *fructus percipere*⁴⁸, но при этом, в отличие от А. Ди Порто, полагает *agros colere* не частью *praepositio*, включающей и два других вида деятельности, а отдельной *praepositio*, дающей право на *actio institoria*. На основании этого делается вывод, что вилик является инститором.

Анализируя фрагмент из «Сентенций Павла», Т. Кьюзи приходит к заключению, что *agros colere* и *condere vendere fruges* представляют собой две совершенно разные *praepositiones*, которые выполнялись разными управляющими: первая – виликом, а вторая – другим управляющим⁴⁹ (вспомним уже рассмат-

⁴² *Di Porto*. Op. cit. P. 72–83.

⁴³ *Ibid.* P. 74–75.

⁴⁴ *Ibid.* P. 75.

⁴⁵ *Ibid.* P. 82.

⁴⁶ *Ibid.* P. 78–80.

⁴⁷ *Chiusi*. Op. cit. S. 167–171.

⁴⁸ *Ibid.* S. 180.

⁴⁹ *Ibid.* S. 176.

ривавшийся нами ее тезис о том, что вилик не занимался реализацией произведенной продукции). В вопросе о предоставлении *actio exemplo institoriae* по сделкам, заключенным виликом, которому поручено также *merces distrahere*, Т. Кьюзи сходится с А. Ди Порто в том, что эта *praepositio* служила лишь дополнением к обычным обязанностям вилика. Однако такое дополнение не признавалось обществом и правом как типичное и потому не давало права на «чистую» *actio institoria*⁵⁰.

Для оценки концепции Т. Кьюзи наиболее существенно следующее обстоятельство: она прямо противоречит приведенному выше фрагменту Павла (D. 14. 3. 16), который не считал возможным предоставление против хозяина *actio institoria* по сделкам, заключенным с виликом. Основываясь на утверждении Павла, что вилик назначается не для извлечения прибыли (*non propter quaestum*), Т. Кьюзи толкует это так: вилик не обязывает хозяина только в том случае, если он заключил сделку по продаже урожая (так как тем самым принес прибыль, *quaestus*), что выходило за рамки его *praepositio*, а по всем прочим сделкам, заключенным им как инструктором, хозяин отвечал в полном объеме⁵¹.

Такая интерпретация текста представляется нам невозможной. Во-первых, *quaestus* совершенно не обязательно должен подразумевать именно продажу урожая: здесь имеется в виду коммерческая деятельность и деловая активность вообще, к которой вилик, по мысли Павла, непричастен. Во-вторых, текст Павла совершенно недвусмысленно дает понять, что и к а к а я сделка с виликом не дает основания на вчинение хозяину *actio institoria*, а не только сделка, направленная на продажу товара. Поэтому толкование Т. Кьюзи, на наш взгляд, содержит огромную натяжку; она фактически приписывает Павлу свое собственное априорное представление о положении вещей, искажая мысль автора.

Тезис о принадлежности вилика к категории инструкторов, несмотря на его явное противоречие тексту Павла, как ни странно, разделяет не только Т. Кьюзи, но и ряд других исследователей. Ж.-Ж. Обер также полагает, что вилик должен рассматриваться как инструктор⁵². При этом следует отметить, что сам Ж.-Ж. Обер в своем исследовании подробно не занимается анализом данных источников, касающихся этой проблемы, несмотря на то что его столь определенный и значимый вывод о принадлежности вилика к категории инструкторов, безусловно, требует гораздо более развернутого анализа имеющихся данных. Противоречие этого заключения тексту Павла (D. 14. 3. 16) Ж.-Ж. Обер пытается разрешить следующим образом. Он предполагает, что у Павла речь идет об особом типе виликов, которые назначены единственно с целью сбора урожая сельскохозяйственной продукции и поэтому не обязывают хозяина. Вилики же другого типа занимались деятельностью, которая требовала от них заключения различных контрактов от имени господина, и о них идет речь во фрагменте Ульпиана (D. 14. 3. 5. 2) и в «Сентенциях Павла» как об инструкторах *agris colendis praepositi*⁵³. При этом основным типом вилика Ж.-Ж. Обер, безусловно, считает последний. Однако из рассматриваемого текста с очевидностью следует, что Павел имел в виду не какой-то один тип

⁵⁰ Ibid. S. 184–185.

⁵¹ Ibid. S. 180–181.

⁵² Aubert. Op. cit. P. 169.

⁵³ Ibid.

виликов, – он явно говорил о вилке вообще, и потому толкование Ж.-Ж. Обера представляется очень натянутым, что ставит под удар все его построения. К тому же в трактовку Ж.-Ж. Обера не вписываются данные второй части фрагмента Павла: остается неясным, почему по сделкам, заключенным вилком, уполномоченным на продажу урожая, дается *actio exemplo institoriae*, а не «чистая» *actio institoria*. Таким образом, аргументацию Ж.-Ж. Обера по вопросу о принадлежности вилка к категории инститоров (заметим, чрезвычайно скупою), на наш взгляд, нельзя считать достаточно убедительной.

Вслед за Т. Кьюзи и Ж.-Ж. Обером к категории инститоров причисляет вилка и Е. Карлсен⁵⁴, хотя подробно исследованием этого вопроса он, как и Ж.-Ж. Обер, не занимается. Е. Карлсен, также отождествляя вилка с *agris colendis praepositus*, объясняет расхождение этого тезиса с текстом Павла (D. 14. 3. 16) тем, что в эпоху Северов, когда и писал этот юрист, положение вилка изменилось по сравнению с тем, каким оно было при Августе, когда писал Лабен, на которого ссылается Ульпиан (D. 14. 3. 5. 2). В северовский период вилки лишились части своих функций по управлению имением, так как надзор за колонатами стали передавать другим членам рабской фамилии, и вилки теперь перестали рассматриваться как инститор, что и отразил Павел⁵⁵. На это построение можно возразить хотя бы то, что в «Сентенциях Павла» по сути повторяется все тот же текст Лабена – Ульпиана с некоторыми лишь изменениями, а поэтому вряд ли у нас есть основания объяснять указанное несоответствие хронологически, как это делает Е. Карлсен.

Е. Карлсен также полагает, что текст Павла (D. 14. 3. 16) закрепил новое разделение функций между различными типами вилков: одни занимались только контролем за сельскохозяйственными работами, а другие, будучи освобождены от этих обязанностей, – продажей урожая⁵⁶. Таким образом, Е. Карлсен отказывается от традиционной трактовки данного текста, представленной у А. Ди Порто и Т. Кьюзи, так как считает, что речь здесь идет о различных лицах, а не об одном и том же вилке, которому могло быть поручено «вдобавок» еще и заниматься реализацией урожая, собранного под его руководством. Мы безусловно склоняемся к традиционному пониманию этого текста, поскольку, следуя трактовке Е. Карлсена, нельзя объяснить, почему же вследствие деятельности управляющего, продающего урожай, не возникает ответственности хозяина по «чистой» *actio institoria*, а дается лишь *actio exemplo institoriae*.

Исследователи, отстаивающие тезис о том, что вилки принадлежали к категории инститоров (Т. Кьюзи, Ж.-Ж. Обер, Е. Карлсен), при доказательстве этого положения идут различными окольными путями, но ни один из них, как мы попытались показать, так и не вышел на ровную дорогу: движению постоянно мешают многочисленные натяжки в объяснениях, неясности в оценках, недоговоренности в доводах. Однако главный аргумент против построений, призванных доказать, что вилки были инститорами, заключается даже не в раскрытии всех этих натяжек и неясностей – он состоит в том, что хозяйственная деятельность вилка (как мы уже подчеркивали выше, исходя из данных Колумеллы) не подразумевала деловой активности и заключения сколько-нибудь значительных сделок, и для того, чтобы исполнять свои обя-

⁵⁴ Carlsen. *Vilici...* P. 27, 170.

⁵⁵ *Ibid.* P. 172.

⁵⁶ *Ibid.* P. 28–29.

занности, вилуку и не требовалось тех полномочий, которые были у инститора, т.е. возможности обязывать хозяина *in solidum*. Как видим, данные двух текстов, раскрывающих определенную систему социальных норм и обладающих поэтому высокой степенью репрезентативности, – Павла и Колумеллы – полностью совпадают.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что виллик инститором не являлся и хозяина по *actio institoria* не обязывал. Эта точка зрения неоднократно высказывалась многими специалистами по римскому праву⁵⁷, однако, как видно из разобранных нами концепций Т. Кьюзи, Ж.-Ж. Обера, Е. Карлсена, в последнее десятилетие она не пользуется особой популярностью среди исследователей, занимающихся изучением управленческой деятельности в Риме в ее экономическом и правовом аспектах: явно преобладает противоположная точка зрения.

Пожалуй, единственное исключение составляет Е. Кшинувек. Отождествляя, так же как А. Ди Порто и Т. Кьюзи, *agros colere* и *fructus percipere*, он, однако, полагает, что этот род деятельности не входил в состав некой «гибридной» *praepositio* (как считал А. Ди Порто) и сам по себе не давал тому, кто этим родом деятельности занимался, т.е. вилуку, права обязывать хозяина по *actio institoria* (как полагала Т. Кьюзи)⁵⁸. Однако у Лабеоны *agros colere* наряду с *pecunias faenerare* и *mercaturas redempturasque facere* названы как виды деятельности, дающие основание на вчинение *actio institoria* принципалу. Как же Е. Кшинувек разрешает это противоречие? Он выдвигает гипотезу, согласно которой Лабеоны было предложено рассмотреть следующий случай: некто назначил раба с тем, чтобы он одновременно давал деньги в рост, занимался организацией производства на вилле, вел торговлю и брал подряды. Источник не дает нам сведений относительно того, какого именно из перечисленных видов деятельности касался тот договор, который стал причиной спора. По мнению Е. Кшинувек, дело касалось торговли или подрядов, поскольку ни *faeneratio*⁵⁹, ни *agros colere* к предъявлению *actio institoria* привести не могли. Лабеоны подтвердил, что кредитор может воспользоваться в данной ситуации *actio institoria*, а упомянутого раба, поскольку он занимается торговлей (или подрядами), можно счесть *loco institoris*. Впоследствии Ульпиан, рассматривая понятие *institor*, заимствовал у Лабеоны данный случай, не упомянув о той сделке, которая была причиной спора сторон. Отсюда, полагает Е. Кшинувек, и возникло впечатление, что *actio institoria* была применима в случае *agros colere*, и в этой редакции воспринял высказывание Лабеоны автор «Сентенций Павла»⁶⁰.

Гипотеза Е. Кшинувек представляется нам весьма произвольной, так как остается непонятным, почему Лабеоны в своем окончательном решении предполагаемого спора стал писать о тех видах деятельности, которые, по мысли

⁵⁷ Помимо А. Ди Порто, см., например: *Angelini P. Osservazioni in tema di creazione dell'actio ad exemplum institoriae // BIDR. 1968. 71. P. 244–245; Burdese A. Actio ad exemplum institoriae e categorie sociali // BIDR. 1971. 74. P. 68–72; Bürge A. Rec.: Di Porto A. Impresa collettiva e schiavo 'manager' in Roma antica. Milano, 1984 // ZSS. 1988. Bd 105. S. 862; Wacke A. Op. cit. S. 312–313; и особенно: Benke N. Zu Papinians actio ad exemplum institoriae actionis // ZSS. 1988. Bd 105. S. 596. Ann. 23; S. 622. Ann. 152.*

⁵⁸ *Krzyńówek. Op. cit. S. 109–114.*

⁵⁹ *Ibid. S. 101–102.* Однако сам Е. Кшинувек полагает, что *faeneratio* предполагала вчинение *actio institoria* в том случае, если подвластный, дающий деньги под проценты, принимал какую-либо вещь в залог в обеспечение кредита (т.е. он держал заведение, напоминающее современный ломбард). Нам же представляется вероятным, что Лабеоны (а впоследствии Ульпиан и автор «Сентенций Павла») имел в виду именно этот случай.

⁶⁰ *Ibid. S. 116–117.*

автора, вообще не могли привести к вчинению интересующего стороны иска. В этой ситуации совершенно логично было бы предположить, что юрист сразу оставит в стороне не относящиеся к сути дела обстоятельства, т.е. *praepositiones pecuniis faenerandis* и *agris colendis*, и напишет, что по сделке раба, занимающегося торговой деятельностью (или подрядами), можно вчинить соответствующий иск. Поэтому версия Е. Кшинувека может иметь место только в том случае, если упоминание о первых двух *praepositiones* попало в текст решения Лабеоны по чистой случайности, а это объяснение не представляется нам убедительным. К тому же кажется странным, чтобы Ульпиан мог допустить столь грубую оплошность: переписать предполагаемое решение Лабеоны так, чтобы те виды деятельности, которые не могли предполагать вчинение *actio institoria*, попали бы в перечень тех видов, которые, напротив, такую ответственность предполагают. Таким образом, хотя все предложенные Е. Кшинувеком «превращения» в принципе и могли иметь место в действительности, вероятность этого все же чрезвычайно мала, и это не позволяет нам согласиться с автором. Мы придерживаемся той точки зрения, что как *faeneratio*, так и *agros colere* предполагали инститорскую деятельность и могли быть причиной вчинения соответствующего иска.

Особо нам хотелось бы обратить внимание на то, что вилик не считался инститором именно из-за специфики той *praepositio*, которая была ему дана: он должен был заниматься организацией сельскохозяйственного производства, а не теми видами деятельности, которые предполагали активное заключение сделок. Даже если вилику при этом поручалась подобная деятельность в виде дополнительной *praepositio* (как в случае с *merces distrahere*), он, получая возможность обязывать хозяина *in solidum* (по *actio exemplo institoriae*), все равно инститором не становился, так как получал только *actio utilis*.

Таким образом, не всякий управляющий, которому поручалась деятельность, предполагающая заключение сделок, считался у римских юристов инститором. Это позволяет нам уточнить определение инститора: таковым считался лишь тот управляющий, о с н о в н а я *praepositio* которого предполагала деловую активность и была направлена на заключение сделок. Если же эта деятельность входила в рамки «дополнительной» *praepositio* управляющего, как в рассмотренном случае с виликом, то он, хотя и обязывал хозяина предприятия *in solidum* по *actio utilis*, инститором или приравненным к нему лицом не признавался.

Все сказанное нами о правовом положении вилика во многом можно отнести и к актору (актор, повторим, понимается в узком смысле слова – как заведующий финансами имения). Исследователи, исходящие из того, что вилики являлись инститорами, обыкновенно относят к этой категории также и акторов⁶¹. На основании того, что акторы фигурируют в юридических текстах как *praepositi*, Ж.-Ж. Обер делает вывод, что они были инститорами⁶². Такого же мнения придерживается и Е. Карлсен⁶³. Во-первых, мы никак не можем согласиться с тем, что любой *praepositus* считался инститором: только что рассмотренный случай с виликом как нельзя лучше убеждает в обратном. Во-вторых, если исходить из текстов, собранных в Дигестах, предполагать принадлеж-

⁶¹ При этом некоторые полагают, что вилика нельзя отнести к инститорам, а актора можно и отождествляют именно его с *agris colendis praepositus*; см. *Bürge*. *Op. cit.* S. 862.

⁶² *Aubert*. *Op. cit.* P. 188.

⁶³ *Carlsen*. *Vilici...* P. 149.

ность к инститорам акторов у нас не больше оснований, чем относительно виликов: акторы нигде инститорами не называются и к инститорам не приравниваются. В-третьих, хозяйственная деятельность актора на вилле – заведование финансами и ведение счетов, так же как и деятельность вилика, не направлена на заключение сделок и не требует возможности обязывать господина in solidum.

Итак, ни виликов, ни акторов, по нашему мнению, нельзя отождествлять с теми управляющими, которые упомянуты юристами как *agris colendis praepositi*. Закономерно возникает вопрос: кого же они так называли? Мы склонны согласиться с Н. Бенке, заметившим в свое время, что деятельность управляющего *agris colendis praepositus* в противовес деятельности вилика, который занимался «внутренними» делами имения, была направлена «вовне», на представительство⁶⁴. *Agri colendis praepositus*, являясь инститором, был о с о б ы м управляющим, который как раз и брал на себя все обязанности по управлению товарной виллой, связанные с деловой активностью, с заключением сделок. *Praepositio agris colendis*, на наш взгляд, состояла именно в том, чтобы таким образом «обслуживать» сельскохозяйственное производство на вилле, включать его в товарооборот, принимая на себя обязанность реализации сельскохозяйственной продукции, произведенной в имении (прежде всего посредством заключения контракта *emptio-venditio*), и обеспечения правовой основы для привлечения на это предприятие дополнительной рабочей силы (путем найма работников, предполагавшего заключение с ними соответствующего контракта). Все это и составляло предмет деятельности инститора *agris colendis praepositus*.

По всей видимости, назначение такого инститора на виллу было делом не только не обязательным, но и встречавшимся, думается, в меньшинстве случаев. Обычно же все указанные функции, если этим не занимался сам хозяин, осуществлял прокуратор. Именно такое положение дел и нашло отражение в трактате Колумеллы и, вероятно, может считаться наиболее типичным. При каких же обстоятельствах хозяин предпочитал поручить заключение сделок особому инститору? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в том, чем отличалось правовое оформление деятельности прокуратора и инститора. Прокуратор, чаще всего бывший отпущенником хозяина поместья, осуществлял свою управленческую деятельность главным образом на основе *negotium gestio* и поэтому по сделкам, заключенным им, отвечал он сам, а не назначивший его патрон. Инститор же, напротив, обязывал хозяина – в этом и состоял смысл инститорского статуса. Если хозяин поместья не желал сам нести ответственность по сделкам, заключаемым в процессе функционирования этого предприятия, то он передавал его в ведение отпущенника-прокуратора, а если, наоборот, он стремился не слишком отдаляться от управления собственным поместьем, оставляя за собой обязанность выступать в суде по делам, касающимся его имения и не доверяя этого никому другому, то назначал инститора.

Если мы снова вспомним модель Колумеллы, то в рамках описанного им поместья подобное назначение обернется тем, что пресловутое помещение над воротами будет занимать уже не прокуратор, а инститор, что, впрочем, мало затронет саму структуру управления, сложившуюся на вилле: у инститора будет лишь иной правовой статус, а обязанности по управлению имением –

⁶⁴ Benke. Op. cit. S. 596. Anm. 23.

все те же, что и у прокуратора. Скорее всего, инститор *agris colendis praepositus*, как и прокуратор, занимался делами сразу нескольких поместий, разъезжая между ними и городом и заключая сделки, так что комната над воротами, судя по всему, могла пустовать на протяжении достаточно длительных промежутков времени. Прокуратор при этом, очевидно, все-таки мог назначаться: он мог осуществлять общий надзор за рядом поместий и за теми же инститорами (в тех имениях, где они были назначены).

Как видим, нормы римского права в классическую эпоху его развития предоставляли землевладельцам очень широкое поле для маневрирования при выстраивании системы управления поместьями: в конечном итоге, опираясь на те или иные комбинации при назначении управляющих, обладавших различным правовым статусом, хозяин мог оставить за собой столько полномочий и столько ответственности, сколько ему представлялось необходимым и желательным.

Данное заключение хорошо иллюстрирует и та ситуация, когда назначался особый инститор *condendis vendendisque frugibus praepositus* (Paul. Sent. II. 8. 2), в обязанности которого входили только хранение и продажа собранного в поместье урожая. На наш взгляд, *praepositio agris colendis* и *praepositio condendis vendendisque frugibus* соотносятся не как взаимодополняющие явления, о чем писала Т. Кьюзи, а как явления, представляющие собой часть и целое: *condere vendere fruges* есть лишь часть той деятельности по управлению имением, которая у юристов охвачена общим понятием *agros colere*. Последнее включает всякую деятельность, предполагающую деловую активность, обслуживающую производство земледельческой продукции, а первое – лишь одну, но, безусловно, самую главную ее часть (связанную с реализацией готовой продукции), выделенную в особую *praepositio*.

В рамках рассмотрения товарных связей римской виллы средних размеров выделяются три основные формы, в которых осуществлялась продажа произведенной на этой имение продукции: продажа урожая на корню, продажа готового продукта в поместье и, наконец, самостоятельно осуществлявшийся силами данного предприятия вывоз готового продукта на рынок⁶⁵. Инститор *condendis vendendisque frugibus praepositus*, очевидно, назначался только в этом последнем случае как особый управляющий, осуществлявший данную функцию. Он должен был вывезти товар в город, некоторое время складировать его там (*condere fruges*; вероятно, с этой целью он был уполномочен заключать договор хранения – *depositum*) и затем – целиком или партиями – продать. Если же товар продавался прямо в поместье, в назначении подобного управляющего не было необходимости.

Таким образом, если в структуре управления сельским имением присутствовали инстититоры (*agris colendis praepositus* или, реже, *condendis vendendisque frugibus praepositus*), то они выполняли те функции, которые в других, видимо, более частых случаях ложились на прокуратора, т.е. эти инстититоры также представляли собой тип *управляющего агента*, деятельность которого была связана с сельским хозяйством. Однако в отличие от прокураторов, которые назначались из отпущенников, большинство инститоров, очевидно, были рабами. Поэтому особенно важно отметить, что «коммерческими» управляющими в сельском хозяйстве часто могли быть рабы-инстититоры, а не только отпущенники-прокураторы.

⁶⁵ См. Кузицин. Римское рабовладельческое поместье... С. 113.

Однако теперь следует вернуться к рассмотрению правового положения вилликов. Не следует забывать о том, что виллик, хотя и не был, как мы выяснили, вовлечен в деловую активность, все же иногда вынужден был заключать некоторые сделки, связанные с его непосредственной деятельностью как лица, ответственного за состояние сельскохозяйственного инвентаря на вилле и, самое главное, за состояние вверенной ему рабской фамилии. Могли ли эти сделки предполагать ответственность господина?

Если господин хотел сам поручить виллику заключение какой-либо сделки, то он оформлял это поручение в виде приказа (*iussum*) и вследствие этого нес полную ответственность (*in solidum*) за действия виллика по *actio quod iussu*⁶⁶. Однако вряд ли владельцы вилл в рассматриваемый нами период при наличии специальных «посредников» между ними и вилликами (прокураторов и инститоров) часто сами обращались к этому правовому механизму. Еще Лабеев писал о том, что *iussum* может отдать рабу (в нашем случае – виллику) не только сам хозяин, но и прокуратор (D. 15. 4. 1. 9), вследствие чего хозяин отвечал *in solidum* по *actio quod iussu*, как будто приказ отдал он сам. Думается, эта модель отношений для нашего периода является гораздо более характерной. Прокуратор, таким образом, поручая виллику заключить какую-либо сделку, обеспечивал не только собственную ответственность по *actio quod iussu*, но и ответственность владельца виллы.

Для нас больший интерес представляет та ситуация, когда виллик заключал сделку, не получая никакого распоряжения от господина или прокуратора. В этом случае также могла возникать ответственность господина – по *actio de in rem verso*. Согласно конструкции этого иска, если в результате сделки, заключенной рабом или другим подвластным, какие-либо вещи перешли в имущество его господина (*in rem versum*), то господин оказывался ответственным перед контрагентом подвластного в той степени, в какой он обогатился за счет данной сделки. Под переходом вещей в имущество господина юристы подразумевали такое состояние, при котором раб, заключивший сделку, улучшил положение господина или же не дал ему ухудшиться (D. 15. 3. 3. 2); при этом вещь, перешедшая в имущество господина, должна быть ему необходима или полезна (*res necessaria vel utilis* – D. 15. 3. 5. 2). Только если удастся доказать факт обогащения господина, а также будет очевидно, что рассматриваемая вещь была ему действительно необходима, контрагент раба имеет право взыскать с хозяина сумму, в которой выражается, насколько тот обогатился.

Хотя доказать все это, видимо, во многих случаях было довольно сложно, ответственность господина по *actio de in rem verso* в нашем случае с вилликом была, пожалуй, единственной возможностью (конечно, если не могла осуществиться *rei vindicatio*) для контрагента добиться справедливости, если он был в чем-то этим вилликом обманут. Дело в том, что теоретически существовал еще один способ возместить хотя бы часть потерянного – вчинить *actio de peculio*, по которому господин нес ответственность перед контрагентом своего раба только в рамках выделенного тому *пекулия*, но зато при этом не требовалось доказывать никакого факта обогащения. Однако в нашем случае этот механизм практически вряд ли возымел бы действие: у сельских рабов-управляющих, по-видимому, далеко не всегда имелся сколько-нибудь значитель-

⁶⁶ Господин также мог выразить одобрение действий раба (*ratihabito*), когда сделка рабом была уже заключена, что приравнивалось к *iussum* и делало, таким образом, эту сделку действительной (D. 15. 4. 1. 6).

ный пекулий⁶⁷, и это касается в первую очередь вилика, по крайней мере типичного вилика, описанного Колумеллой. Он постоянно проживал на господской вилле, своего хозяйства не вел, денег имел немного, питался также на вилле, – словом, его пекулий мог включать разве что содержимое сундука, в который его жена, вилика, складывала их нехитрые пожитки. Такого пекулия, конечно, было явно маловато для того, чтобы удовлетворить интерес контрагента в достаточной степени. Поэтому последнему ничего не оставалось, как вчинять *actio de in rem verso*, рискуя увязнуть в довольно запутанном разбирательстве.

Обратим внимание на одно интересное и немаловажное для нас обстоятельство: из тех примеров, которые приводят в своих сочинениях юристы относительно ситуаций, когда имела основания возникнуть *actio de in rem verso*, видно, что хозяйственная деятельность вилика явно нашла отражение в этих примерах. Раб берет пшеничное зерно (видимо, взаймы), чтобы употребить его в качестве пищи для рабской фамилии господина; занимает деньги, чтобы купить зерна для пропитания рабам или чтобы обеспечить их одеждой (D. 15. 3. 3. 1); достает зерно для пропитания фамилии и складывает его в господском амбаре (D. 15. 3. 3. 7) – все это как нельзя лучше отражает реалии жизни на вилле, главным распорядителем которой и является вилик. Если на вилле истощились запасы зерна и нечем кормить рабов, если часть из них совсем обносились, вилик мог занять мешок пшеницы у соседа или занять денег для покупки продовольствия и одежды рабам. Если же он не отдавал взятое зерно или деньги в срок, контрагент и получал право вчинить хозяину вилика *actio de in rem verso*.

Все сказанное еще раз подтверждает, что вилик заключал какие-либо сделки лишь эпизодически, в силу сложившихся обстоятельств: кончилось зерно в амбаре, сломалась мотыга или хорошо уродилась капуста – вот что побуждало вилика взять взаймы, купить или продать. Все эти вещи, безусловно, могут быть отнесены к тем *res necessariae*, о которых, как мы помним, писал Колумелла, рекомендуя вилику воздерживаться от покупки и продажи на рынке или в городе чего-либо иного (XI. 1. 23). Не случайно это же словосочетание употребляет при характеристике *actio de in rem verso* Ульпиан (D. 15. 3. 5. 2) – как уже говорилось, этот иск давался только в том случае, если вещь, перешедшая в имущество господина, была необходимой (*necessaria*). Если же раб, например, украсил стены господского дома какой-нибудь дорогой лепниной, то это уже не считалось необходимым и полезным – *magis ad voluptatem pertinent quam ad utilitatem*, и иска против хозяина не давалось (D. 15. 3. 3. 4).

Исходя из сказанного выше о правовом положении вилика, мы можем поновому взглянуть на один чрезвычайно интересный отрывок из сочинения Колумеллы, частично уже цитировавшийся выше. Имеется в виду то место, где автор предостерегает от того, чтобы вилик не вкладывал господских денег в скот или другие товары: «*Pecuniam domini neque in pecore nec in aliis rebus promercalibus occupet*» (I. 8. 13; XI. 1. 24). Среди прочих аргументов, высказанных против этого, Колумелла приводит и следующий: «*...nec unquam sinit eum cum rationibus domini paria facere; sed ubi nummum est numeratio, res pro nummis ostenditur*»⁶⁸. Мы интерпретируем это место следующим образом. Как уже от-

⁶⁷ Cp. *Carlsen. Vilici...* P. 94.

⁶⁸ «...это никогда не позволяет ему свести концы с концами в счетах господина, а когда производится выплата денег, вместо денег показывается вещь».

мечалось выше, в большинстве случаев вилик и не вкладывал хозяйских денег ни в какие товары, и именно это представляло собой норму, типичную ситуацию. Но порой могло случиться, что вилик все-таки отваживался на это: например, во время очередного своего непродолжительного визита в город с целью купить какую-то необходимую в хозяйстве вещь вилик, оказавшись на шумной торговой площади, сталкиваясь там с массой торговцев, мог, поддавшись на уговоры пронырливого и ушлого торгаша, соблазниться заключить какую-нибудь, как ему казалось, выгодную для хозяина сделку – скажем, купить несколько голов скота, чтобы затем их можно было перепродать подороже. Хозяйские счета, которые вел вилик, после уплаты денег за скот, конечно, не сходились: была налицо самовольная и незапланированная трата. Но вилик надеялся именно на то, что хозяин задним числом одобрит его сделку и воспользуется ее плодами. Колумелла не случайно говорит лишь о в л о ж е н и и денег хозяина (*occupatio pecuniae domini*) в какие-либо товары, а не собственно об их перепродаже. Дело в том, что перепродажа того же скота была вилику явно не под силу: его правовой статус был таков, что у него просто не хватило бы для этого полномочий. Совершить предложенную контрагентом покупку скота вилик еще мог, сразу выплатив контрагенту деньги и заверив его, что сделка будет, безусловно, одобрена господином. Но продать затем купленный им тот же самый скот, не получив санкции хозяина, вилику вряд ли удалось бы, так как с виликом, который не обязывал хозяина *in solidum*, при возможном предложении с его стороны купить у него скот, просто никто не рискнул бы иметь дела.

В результате вилику, вложившему хозяйские деньги в какие-либо товары, не оставалось ничего другого, как ждать, пока на вилле появится либо сам хозяин, либо его прокуратор, и кто-либо из них доведет до конца дело, начатое виликом, – организует перепродажу скота и т.п. Если же от вилика потребуют выплаты денег (*nummum numeratio*), находящихся у него на вилле, то в ответ он сможет лишь показать тот товар, на который истратил часть этих денег (*res pro nummis ostenditur*). Увлечение вилика операциями, подобными описанной, безусловно, могло помешать ему заниматься исполнением его непосредственных обязанностей по организации производства на вилле; к тому же вилик не имел, в отличие от того же прокуратора, достаточного опыта в подобного рода делах – он мог неверно оценить ситуацию на рынке, мог быть попросту обманут контрагентом и т.п. Все это могло нанести ущерб имуществу хозяина, поэтому Колумелла и относится к подобным действиям вилика столь неодобрительно.

М.Е. Сергеевко понимала рассматриваемый фрагмент по-иному: она считала, что обыкновенно вилик «покупал, перепродавал, клал себе разницу в карман и водворял на место хозяйский капитал еще до приезда хозяина»; предъявлять купленное, по ее мнению, приходилось только в том случае, если хозяин приезжал неожиданно и не было возможности объяснить, куда подевались деньги⁶⁹. Однако, как мы попытались показать, проанализировав правовой статус вилика, заниматься перепродажей и таким образом обогащаться за счет хозяина у него реальной возможности практически не было.

Итак, проанализировав свидетельства источников по рассматриваемой проблеме, мы пришли к следующим основным выводам.

⁶⁹ Сергеевко. Ук. соч. С. 50.

1. Управленческая деятельность в сельском хозяйстве (управление сельским имением) могла предполагать наличие трех типов рабов-управляющих: организация производства и рабочей силы находилась в ведении управляющих-администраторов (виллик и вилика), связь виллы с другими хозяйственными единицами (продажа урожая, наем рабочей силы) могла осуществляться управляющими-агентами (инститорами *agris colendis praepositus, condendis vendendisque frugibus praepositus*), ведение счетов и распоряжение денежными средствами находилось в руках заведующего финансами (актора); при этом последняя функция чаще всего объединялась с первой и также выполнялась вилликом, а функции институторов обыкновенно выполнял прокуратор-отпущенник.

2. Организация производственного процесса на вилле осуществлялась вилликом и виликой в слаженном взаимодействии друг с другом и основывалась на распределении между ними обязанностей в рамках следующих направлений: непосредственная организация работ в поле и на вилле, надзор за рабами, контроль за состоянием их рабочей силы, контроль за состоянием орудий труда.

3. Виллик обычно не руководил ни продажей урожая, собранного в имении, ни наймом рабочей силы и лишь эпизодически действовал на рынке; его деятельность не была ориентирована на заключение сделок и не предполагала деловой активности; он был целиком занят организацией производственного процесса на вилле.

4. Исходя из сказанного выше ясно, что вилику в силу специфики его *praepositio* не требовалось тех полномочий, которые были у институтора, т.е. возможности обязывать хозяина *in solidum*. Виллик не являлся институтором и по *actio institoria* хозяина не обязывал. При заключении вилликом какой-либо сделки для контрагента наиболее реальным способом добиться ответственности хозяина оставалась *actio de in rem verso*.

Основываясь на этих умозаключениях, мы можем сделать общий вывод: правовой статус раба-управляющего находился в прямой зависимости от той хозяйственной деятельности, которой он был занят, и определялся именно ее характером. Возможность обязывать хозяина сельскохозяйственного предприятия в объеме всего его имущества, ставящая данного раба-управляющего в совершенно особое положение в правовой системе, давалась только тем из них, чья управленческая деятельность предполагала деловую активность и была направлена на заключение сделок, выгоду от которых получал все тот же хозяин-рабовладелец.

SLAVE MANAGERS OF ROMAN AGRICULTURAL ESTATES UNDER THE PRINCIPATE

(*Economic Activities and Legal Status*)

M.V. Durnovo

Analyzing the data of Columella's treatise and the works of Roman jurists of the classical period the author comes to the following conclusions. Management of an agricultural estate could imply existence of three types of slave managers. Organization of production and labour force was controlled by administrating managers (*vilicus* and *vilica*); connections between the estate and other economic units (selling the harvest and hiring workers) were in the competence of a business manager (*institor agris colendis praepositus, condendis vendendisque frugibus praepositus*); accounts were kept by a financial manager (*actor*). The last function would often be

combined with the first one and performed by *vilicus*, while the functions of *institores* were usually fulfilled by a *procurator*, a freedman.

Organization of production in the estate was under the control of *vilicus* and *vilica* working in a well co-ordinated co-operation based upon a division of labour according to the following directions: organizing work immediately in the field and at the *villa*, overseeing the slaves, controlling their state of the labour force and controlling the state of agricultural implements.

Usually a *vilicus* was not in charge of selling the harvest or hiring workers, and he would only occasionally act at the market. His duties did not imply concluding bargains and other business activities: he was entirely engaged in organizing production in the estate. Because of his *praepositio*, a *vilicus*, unlike an *institor*, had no right to oblige his master *in solidum*. *Vilicus* was not an *institor* and could not oblige his master by *actio institoria*. When a *vilicus* concluded a bargain, the best way for the contractor to make the landowner responsible was *actio de in rem verso*. The legal status of an *actor* was much the same. On the contrary, the duties of *institor*, who could be appointed manager of the estate (*institor agris colendis praepositus, condendis vendendisque frugibus praepositus*), included concluding bargains, which implied the landowner's responsibility *in solidum* connected with *actio institoria*. Thus, the legal status of a slave manager depended directly on the character of his economic activities.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫНА